

Точитай мне снова

Чуркина Галина

Галина Чуркина

Почитай мне снова

«Автор»

2026

Чуркина Г. В.

Почитай мне снова / Г. В. Чуркина — «Автор», 2026

Эта книга — хрупкий и честный памятник своей бабушке — женщине удивительной силы, душе любой компании, стойкому «солдатику», прошедшему через суровые испытания и оставившему неизгладимый след в сердцах своих близких. Здесь переплелись детские воспоминания о таинственных дачных приключениях, тайном поедании мороженой клубники над страницами сказок и шумных семейных застолий с большими надеждами и свежей болью от недавней утраты. Это история о прощении и принятии, о сложных нитях родства и внезапно расцветшей сестринской любви, о тех уроках, что передаются не по учебникам, а из рук в руки. «В память о тебе» — это попытка удержать ускользающий голос, не позволить теплу любимого человека раствориться в пустоте и доказать, что те, кого мы по-настоящему любим, никогда не исчезают бесследно.

© Чуркина Г. В., 2026

© Автор, 2026

Галина Чуркина

Почитай мне снова

Бабушки — это особый народ, сотканный из теплого света и бесконечного терпения. Они хранят в своих ладонях тепло всех прошедших лет. В их морщинках возле глаз затаилась мудрость, а в мягком, чуть уставшем голосе слышится способность убаюкать любую тревогу. Рядом с ними время замедляет свой сумасшедший бег, а весь огромный и сложный мир уменьшается до размеров уютной кухни, где на столе всегда ждет горячий чай и слышится тиканье часов.

Бабушка — это про любовь без условий и оговорок. Про то самое искреннее желание укрыть от холода, подложить лучший кусочек и уберечь от любых невзгод. Это невидимый щит, который встает между нами и взрослым миром, как только мы ступаем на порог ее дома.

Они умеют любить так, как никто другой: помнят каждую нашу мелкую победу, бережно хранят в памяти детские смешные фразы и верят в нас даже тогда, когда мы сами теряем веру.

Бабушка.

Там, где дома пахнет чем-то сладким, домашним и до боли знакомым. Где на кухне всегда дожидается что-то вкусное, а чай кажется теплее, ароматнее и уютнее, чем где бы то ни было на свете.

Теплые, родные руки и самая добрая улыбка. Крепкие объятия и тот самый нужный совет, который прилетает ровно тогда, когда ты в нём больше всего нуждаешься. Колючие шерстяные носки и истории из прошлого, которые можно слушать сотый раз подряд — и все равно не надоест.

Да. Бабушка.

Она ведь тоже человек: не всегда бывает доброй и не всегда улыбается. Может ворчать, сердиться, обижаться и говорить вещи, которые совсем не хочется слышать. Но когда мы произносим это слово — «бабушка», — перед глазами всегда встает светлый образ.

Именно такой я всегда ее вижу. Потому что сам этот образ в моём сердце появился благодаря тебе.

Бабуля.

У меня есть миллион историй, связанных с тобой. Не все они похожи на сказку — конечно, бывали и ссоры, и непонимание, и детские обиды. Наверное, без этого просто не бывает настоящей, живой близости. Но если собрать всё, что было между нами за эти годы, в одну большую книгу... я прежде всего почувствую тепло.

То, как ты заботилась обо мне. Как хотела, чтобы я всегда была сыта, одета и в полной безопасности. Как отдавала мне самое лучшее из того, что имела сама. И за это я хочу сказать тебе самое простое, но самое главное слово на свете.

СПАСИБО.

1.

Наша история началась, когда я была маленькой. Скорее не первая встреча, а то, что я начала откладывать уже в памяти. Если честно, я даже не помню, сколько мне тогда было лет. Воспоминания мелькают в голове отдельными картинками — как изображения в калейдоскопе: одно сменяет другое, некоторые остаются особенно яркими, а другие давно потерялись где-то между годами.

Я знаю только одно: я была болезненным ребенком. Мама не могла в полной мере поддерживать мое состояние — в том числе из-за финансовых трудностей. И тогда ты забрала меня к себе. Худенькую, болезненную девочку.

Я не помню тот день. Не помню, что на мне было, что ты сказала, как именно все произошло. Наверное, должна была бы помнить. Но я запомнила столько других дней, что, думаю, мне это простительно. А я знаю, что ты меня уже простила.

Школа у меня, конечно, не задалась. И дело было вовсе не в учебе. По предметам я могла справляться вполне неплохо. Просто именно тогда я впервые поняла, насколько жестокими могут быть дети и подростки.

Я была очень худой. Плюсуюем к этому светлые волосенки, почти прозрачные ресницы и брови, кривые передние зубы — и вот вам я. Слепили. Ах да. Это еще не все.

Бабуля ходила в Молитвенный дом. И, конечно, я ходила вместе с ней. Но там существовали свои правила в одежде — совсем не такие, как у модных девчонок из моего класса. Длинные юбки и невзрачные блузки стали моими повседневными нарядами. Никаких штанов или брюк — разве что спортивные трико. А о косметике и говорить нечего.

Не подумай, я не держу на тебя зла. И тогда не держала. Наоборот. Я любила ходить в Молитвенный дом. Если в школе надо мной могли смеяться и прямо в лицо сказать, что я уродка, то там на меня никогда не смотрели с презрением. Там не было ощущения, что со мной что-то не так. Там любили каждого.

Там у меня появились настоящие подруги. Там я впервые смогла побывать в лагере. Там я постоянно слышала о добре и зле. О том, как правильно поступать и как не стоит. И постепенно научилась отличать одно от другого.

Конечно, совсем без детских шалостей и проказ не обходилось. Ну а кто в детстве ничего не вытворял, а потом не получал за это по жопе ремнем? Хотя сейчас, наверное, воспитание совсем другое.

Но бабушка меня никогда не била. Она просто смотрела. И ее взгляд говорил намного больше любого ремня. Она могла рывкнуть на меня. Особенно тогда, когда у меня не ладилось с алгеброй и геометрией. А не ладилось у меня с ними часто. Точнее — всегда. Ну а что поделать, если я была человеком литературы?

Я могла часами сидеть над хрестоматией и совершенно искренне считать, что это гораздо интереснее любых иксов, игреков и непонятных углов.

Но еще больше историй хранили книги в библиотеке. И, кажется, именно там я постепенно нашла еще один свой маленький мир.

2.

Запах школы. Не знаю, как это работает, но почему-то школы всегда пахнут одинаково. Так же, как детские сады и больницы. Удивительно, правда? Ведь у каждого дома, у каждой квартиры есть свой запах. Тот самый, по которому можно узнать место, даже если закрыть глаза. Запах людей, которые там живут. Их вещей, еды, книг, стирального порошка, духов. Наверное, от человека тоже остается свой запах — тот, который незаметно становится запахом всего дома. А школы пахнут одинаково.

И именно там я впервые встретила новый для себя запах. Запах книг. Этот запах преследует меня до сих пор. Я пряталась в книгах. Убегала в них от всего, что происходило вокруг. Я даже получала грамоты из школьной библиотеки — как активный читатель.

Я гордилась собой. И ты тоже мной гордилась. Ты знала, что куда бы ни свернула моя дорога, как бы далеко ни увела меня жизнь, я все равно однажды вернусь к книгам. И, как всегда, ты оказалась права.

Я шла по узкому школьному коридору. Проходила мимо кабинета биологии. Затем — учительская. После нее — кабинет физики, директорская, кабинет химии, актовый зал... И наконец — дверь библиотеки.

Мне до сих пор часто снится этот коридор. Иногда во сне я иду прямо к библиотеке. Иногда почему-то задерживаюсь возле учительской. А бывает, что прячусь в актовом зале. Всякое может присниться моему “воспаленному” мозгу.

Но я все равно знаю этот коридор. Знаю, куда ведет каждая дверь. Помню его так, будто могу снова пройти по нему, стоит только закрыть глаза. А потом открывается дверь библиотеки.

Я брожу между стеллажами и рассматриваю книги. Тогда мне еще было не так много лет, чтобы всерьез засматриваться на толстые и тяжелые произведения. Они казались слишком взрослыми, слишком серьезными. Но одна книга все-таки привлекла мое внимание.

“Человек-амфибия” Александра Беляева.

Я до сих пор помню ее обложку. Белая. А сверху надпись: “Школьная библиотека”. Кажется, на ней были изображены дельфины и коралловый риф, а среди них плыл сам человек-амфибия.

Я всегда питала особую страсть к русалкам. Поэтому одно только название уже заставило меня заинтересоваться. И я взяла книгу с полки.

3.

Со временем у нас с тобой появилась своя маленькая традиция. Я приносила из библиотеки новую книгу, а вечером, когда дом затихал, ты включала на стене бра в виде цветка. Его мягкий свет разгонял сумерки, и ты начинала читать.

Тот день не был исключением. Мы разложили диван. Я поплелась к небольшому пространству в коридоре, прикрытому тряпкой. Что-то типа кладовки. Там, на полке, стопкой лежали подушки и одеяла. Я потянула за край, и вся эта мягкая гора, как всегда, обрушилась на меня. Сгребя все в охапку, я потащила постельное к дивану. Потом заправила наше спальное место.

Честно говоря, эту часть я никогда особенно не любила. Ровно так же, как и утреннюю обязанность собирать все это обратно. “Ну почему нельзя просто купить кровать?” — размышляла я каждый раз. С кроватью все было бы проще. Но для нашей однокомнатной квартиры диван оставался единственным спасением: разобрал, поспал, сложил — и комната снова большая.

Наконец я юркнула под одеяло и прижалась к тебе. Ты взяла книгу, и увидев название, сказала: “Это книга, может быть, тяжеловата для тебя”. И начала читать.

Я обожала слушать твой голос. Ты читала невероятно живо, с чувством, будто оживляя героев, и этот тембр мог завораживать бесконечно. Ты и меня всегда учила читать именно так — даже про себя, проигрывая интонации в голове. А уж если вслух — то так, чтобы слушатели замирали, боясь выдохнуть.

Но как мне ни хотелось дослушать до конца, сон все равно оказывался сильнее. Веки наливались тяжестью, слова сливались в единую кашу, и под твое размеренное чтение я проваливалась в сладкое небытие.

Но однажды все изменилось. Ты мягко вложила книгу в мои ладони, посмотрела на меня с улыбкой и сказала: “Теперь ты мне почитай”.

И я читала. Следила за интонацией, с паузами и выражением, стараясь подражать твоему голосу. А ты лежала рядом, прикрыв глаза, и просто слушала. Иногда я все же просила тебя снова почитать. И ты читала. Никогда не отмахивалась. Не говорила, что я уже большая и должна читать сама.

И сейчас, когда я думаю о тех вечерах, мне кажется, что дело было совсем не в книге. Мне было важно слышать твой голос. Важно было лежать рядом и чувствовать твое дыхание. Важно знать, что пока горит маленький цветок на стене, ты здесь. И сегодня вечером, как и вчера, как и завтра, ты снова будешь рядом со мной и будешь читать.

Мама мне, конечно, тоже дарила книги. Чаще всего это были солидные, толстые энциклопедии. Но однажды она принесла мне нечто совершенно особенное — книгу под названием «Сказки новогодней ночи». В этой книге были собраны волшебные истории со всего света: Андерсен, Сакариас Топелиус, братья Гримм, Гофман, Михайлов...

Эта книга и по сей день бережно хранится у меня на полке. Правда, на несколько лет она загадочным образом исчезала из поля зрения, пока я случайно не обнаружила ее у сестры — оказывается, сказочное наследство перекочевало к моему племяннику, Макарчику.

Я до мельчайших деталей помню те дни. Я прибежала из школы, быстро скидывала форму и, пока дома никого не было (ты тогда еще работала диспетчером в пожарной части), устраивала себе тайный праздник. Шла к холодильнику, открывала морозилку и доставала заветный пакетик с замороженной клубникой. Вообще-то мы морозили ягоды строго на зиму, но у меня просто не было сил терпеть — настолько безумно я ее любила!

Я усаживалась за кухонный стол, насыпала себе в пиалку покрытые инеем и легкой ледяной глазурью ягоды и открывала ту самую книгу. Читала и смаковала, перекачивая во рту ледяную, постепенно тающую клубничку. А едва она съедалась — тут же отправляла в рот следующую.

Страницы я перелистывала теми же пальцами, которыми только что брала ягоды. Из-за этого на белых уголках листов оставались едва заметные, бледнеющие со временем алые пятнышки. Я до сих пор отчетливо помню этот запах — ни с чем не сравнимый аромат бумаги, смешанный со сладковатым духом мороженой ягоды.

Я была без ума от этой книги! Некоторые сказки перечитывала по второму, а то и по третьему кругу. И вот так, тихая, счастливая, я просиживала на кухне со своей пиалкой не один день. Это стало моей маленькой, сокровенной тайной, скрытой от всего остального мира.

4.

Тетя Инна и ее девять детей. Да, именно девять: Леша, Ксюша, Костя, Ваня, Рита, Соня, Юля, Ульяна и Даша. Я помню, как к ним даже приезжали из газеты. Тете Инне тогда вручили не то грамоту, не то медаль... Врать не буду, точно уже не помню.

Я часто приезжала к ним в гости вместе с тобой, а иногда оставалась жить на долгое время, и эти дни я не забуду никогда. Наверное, если бы не ты, бабуль, я бы ни за что так с ними и не сдружилась. Слишком разные были бы у нас миры. И я до сих пор благодарна тебе за то, что ты нас так сблизил.

У них был свой большой дом. В детстве мне казалось, что это какая-то отдельная, далекая деревня, хотя на самом деле их дом находился не так уж и далеко от города. Но для меня это действительно был совершенно другой, настоящий деревенский мир — с коровами, быками, курами и громкими собаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.